

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

“Методологические измерения социальной эпистемологии”

Малышена Юлия Олеговна

Аспирант

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский факультет, Киев, Украина

E-mail: yuliawa.takonya@mail.ru

В работах по эпистемологии и философии науки последнего десятилетия авторы выделяют одной из современных областей исследования познавательного процесса социальную эпистемологию, концептуальным ядром которой является положение о социальной природе и социальной обусловленности познания [5, 5].

Однако, следует отметить, что кроме такого рода замечаний среди представителей этого направления отсутствует единое мнение о статусе социальной эпистемологии, а поэтому можно одновременно встретить ее квалификацию и как направления философских исследований [4, 54], и как исследовательской программы [3, 71], и как одной из версий современной теории познания, ее глобальную и интегративную перспективу [цит. по 5, 5].

Именно такое разнообразие позиций инициировало конкретное исследование, цель которого состоит в том, чтобы актуализировать некоторые вопросы и попытаться на них ответить.

Начнем с определения эпистемологии. Следует напомнить, что очень часто в качестве синонимов эпистемологии используют теорию познания или гносеологию. Если обратится к Новой философской энциклопедии, то в ней обозначение «эпистемологии» и «гносеологии» отправляет нас к обозначению «теории познания» и звучит следующим образом: «*Теория познания* (гносеология, эпистемология) – раздел философии, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности. Ни одна философская система, поскольку она претендует на нахождение предельных оснований знания и деятельности, не может обойтись без исследования этих вопросов». Автор статьи также говорит о том, что «сам термин «теория познания» появляется довольно поздно – только в 1832, а термин «эпистемология» обычно употребляется как синонимичный термину «теория познания»; однако некоторые философы, напр. К.Поппер, относят к эпистемологии только изучение научного познания» [6]. В Энциклопедии эпистемологии и философии науки дается идентичное обозначение статьи о «теории познания».

Относительно «социальной эпистемологии», как об этом высказывается Д. И. Дубровский, уже «само название содержит налет двусмысленности» [2, 70]. Многими она признана как одна из современных областей исследования на стыке философии, истории, социологии, науковедения [7]. Обозначает ли это междисциплинарность и какая мера вклада каждой из них? Что это в свою очередь вызывает вопрос: социальная эпистемология – это сфера преобладания социологии или все-таки философии? Важно заметить, что в зависимости от того, куда мы ее относим, меняется ее методологическое значение.

При первом варианте социология выступает одним из инструментов разработки эпистемологической доктрины. И мало кто из современных исследователей станет опро-

вергать ценность и значение ее результатов для эпистемологии в целом. Другое дело, претензия на сведение научного знания только к социальному продукту. С точки зрения Э.Агацци, с чем нельзя не согласиться, это ошибка большей части социологической эпистемологии, смысл которой в приписывании социологии роли судьи в поисках ответа на вопрос, что такое наука, вместо исследования того, как именно наука практикуется в различных сообществах. Это равнозначно приданию социологии эпистемологической роли, тогда как она сама обрела в эпистемологии право продуцировать суждения, у которых есть когнитивная ценность [1, с.64].

Если второй вариант, когда речь идет о философии, то следует ответить на вопрос: есть ли специфика отношения социальной эпистемологии к теории познания в целом? Ведь, с одной стороны, она есть продолжением традиции, но с другой, проявлением, спровоцированным иными обстоятельствами.

Чтобы подвести итог, уместно поддержать точку зрения Н. И. Мартишиной: «Не следует ли спросить, должна ли социальная эпистемология вообще исключать другие подходы к знанию или исключаться ими? Ее предметом выступают реальные процессы познания, протекающие в некоторых социокультурных параметрах, что содержательно обогащает философскую теорию познания в целом» [3, с. 71]. Действительно, понятие социальности знания существенно трансформируется в связи с привлечением внимания к субъекту познания, оно понимается уже не как воздействие внешних факторов, а как контекст культуры, как диалогическое общение фундаментальных научных теорий-парадигм.

Литература

1. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии, №7. 2010. – с.58-67.
2. Дубровский Д.И. Социальная эпистемология: некоторые вопросы и критические соображения // Эпистемология и философия науки. Т. XVIII, №4. – с.69-87.
3. Мартишина Н.И. Тематическое пространство социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки, 2010. Т. XXIV, №2. – с.68-72.
4. Пружинин Б.И. Какие ожидания связывает эпистемология с «социальной эпистемологией» // Эпистемология и философия науки. Т. XIV, №4. – с.50-54.
5. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под редакцией И.Т. Касавина. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. – 712 с.
6. Теория познания / Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000—2001. - <http://iph.ras.ru/elib/2991.html>.
7. Теория познания // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. - http://www.enc-dic.com/enc_epist/Teorija-roznaniya-726.html.